

Жюль Верн

В погоне за метеором

Перевод с французского
Веры Вальдман

ФТМ

Жюль Верн

В погоне за метеором

«ФТМ»

1908

Верн Ж. Г.

В погоне за метеором / Ж. Г. Верн — «ФТМ», 1908

В романе «В погоне за метеором» космическое тело, состоящее из золота, едва не разрушило земную экономику. Метеор оказывается слишком большой ценностью в мире, стабильность которого держится на золотом запасе государств.

© Верн Ж. Г., 1908

© ФТМ, 1908

Содержание

Глава первая,	5
Глава вторая,	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Жюль Верн

В погоне за метеором

Глава первая,

в которой судья Джон Прот, прежде чем вернуться в свой сад, выполняет одну из самых приятных обязанностей, связанных с его должностью

Нет ни малейших оснований скрывать от читателей, что город, в котором начинается эта странная история, расположен в Виргинии, в Соединенных Штатах Америки. Если читатели не возражают, мы назовем, этот город Уостоном и поместим его в восточном графстве на правом берегу Потомака. Нам представляется излишним еще более уточнять координаты этого города, который бесполезно было бы искать даже на лучших картах Соединенных Штатов.

Утром 12 марта того самого года, с которого начинается наше повествование, жители города, проходившие по Эксетер-стрит, могли заметить отлично одетого всадника, который медленно разъезжал взад и вперед по улице, круто спускавшейся по склону, и в конце концов остановился на площади Конституции, расположенной в самом центре города.

Всадник этот представлял собой чистейший тип янки, тип, не лишенный своеобразного изящества. Ему было на вид не более тридцати лет. Выше среднего роста, крепкий и стройный, он обладал правильными чертами лица. Его каштановые волосы были темнее бороды, остrokонечная форма которой удлиняла лицо, оставляя открытыми тщательно выбритые губы. Просторный плащ спускался ниже колен и сзади ложился на круп коня. Он столь же ловко, сколь и уверенно, справлялся со своей довольно горячей лошадейю. Все в его манере держаться говорило об энергии, решимости и одновременно о том, что этот человек привык действовать, следуя первому побуждению. Он, должно быть, никогда не знал колебаний между возникшим желанием и опасением, что свойственно обычно людям нерешительным. Внимательный наблюдатель заметил бы, что испытываемое им нетерпение было плохо скрыто под маской холодности.

Почему этот всадник оказался в такой час в городе, где он никому не был известен и где никто никогда не видел его?.. Находился ли он в этом месте проездом или предполагал остановиться здесь на некоторое время?.. В последнем случае ему легко было бы найти гостиницу, и трудность заключалась лишь в том, на которой из них остановить свой выбор. Ни в одном значительном городе Соединенных Штатов или любой другой страны путешественник не нашел бы более радушного приема, лучшего обслуживания, лучшего стола и большего комфорта за умеренную плату, чем в Уостоне. Просто непростительно, что на географических картах не указано местонахождение города, обладающего столь важными преимуществами.

Нет, незнакомец, по-видимому, не собирался остановиться в Уостоне, и заискивающим улыбкам владельцев гостиниц, по всей вероятности, не суждено было оказать на него воздействие. Поглощенный своими мыслями, безразличный к окружающему, он медленно следовал по шоссе, тянувшемуся вдоль обширной площади Конституции, расположенной в самом центре города, даже и не подозревая, какое любопытство вызывает его персону.

И одному богу ведомо, как сильно было возбуждено это любопытство! С той минуты как всадник показался на улице, хозяева и служащие гостиниц, стоя у дверей, не переставали обмениваться замечаниями вроде следующих:

- Откуда он взялся?
- Он подъехал по Эксетер-стрит.

- С какой стороны?
- Говорят, что со стороны предместья Уилкокс.
- Вот уж добрых полчаса, как его лошадь все кружит по площади.
- Он безусловно кого-то ждет!
- Весьма возможно. И даже с нетерпением!
- Он все время поглядывает в сторону Эксетер-стрит!
- Оттуда, верно, и должен прибыть тот, кого он ждет.
- Но кто именно? «Он» или «она»?
- Хе-хе-хе! Он, право же, недурен.
- Значит, свидание?
- Да... Но не такое, как вы полагаете.
- А вы почему знаете?
- Вот уже третий раз, как этот незнакомец останавливается у подъезда мистера Джона Прота...

Прота...

- А так как мистер Джон Прот судья...
- Значит, у этого господина какое-то судебное дело...
- И его противник запаздывает.
- Вы правы.
- Ну, ничего. Они и оглянуться не успеют, как судья Прот помирит их.
- Он человек умелый.
- И к тому же очень славный.

Возможно, что такова и была в самом деле причина пребывания в Уостоне неизвестного всадника. Он действительно несколько раз останавливался у дома мистера Прота, хотя с лошади не сходил. Он поглядывал на дверь, окидывал взглядом окна, затем замирал в неподвижности, словно ожидая, что кто-нибудь появится на пороге, пока лошадь не начинала нетерпеливо рыть копытами землю и не заставляла его тронуться дальше.

Но вот как раз в ту минуту, когда всадник снова остановился у этого дома, дверь вдруг широко распахнулась, и на крыльце показался человек.

– Мистер Джон Прот, полагаю? – произнес приезжий, увидев этого человека, и приподнял шляпу.

– Он самый, – ответил судья.

– У меня к вам простой вопрос, на который вам достаточно будет ответить «да» или «нет»...

– Прошу вас, сударь.

– Не приезжал ли сюда уже кто-нибудь сегодня утром и не осведомлялся ли о мистере Сэте Стенфорте?

– Насколько мне известно – нет.

– Благодарю вас.

Произнеся это и вторично приподняв шляпу, всадник, отдав поводья, мелкой рысью тронулся вверх по Эксетер-стрит.

Теперь – и на этом сошлись все – не могло уже быть сомнения в том, что у этого незнакомца дело к мистери Джону Проту. Из того, как он формулировал свой вопрос, совершенно ясно вытекало, что он сам и есть Сэт Стенфорт и что он первым явился к месту условленной встречи. Но вставал новый, не менее животрепещущий вопрос: не миновал ли уже условленный час и не покинет ли неизвестный всадник город с тем, чтобы больше сюда не возвращаться.

Если вспомнить, что все это происходило в Америке, другими словами, среди людей, которые своей страстью биться об заклад по всякому поводу прославились на весь свет, то легко догадаться, что жители Уостона немедленно принялись заключать пари, окончательно ли приезжий покинул город, или же он еще вернется. Некоторые ставки достигали полу-

доллара, другие – ограничивались всего пятью или шестью центами, но все эти суммы, смотря по исходу событий, должны были быть уплачены проигравшими и попасть в карманы выигравших, причем и те и другие были люди вполне солидные и почтенные.

Что касается судьи Джона Прота, то он только поглядел вслед приезжему, который направил своего коня в сторону предместья Уилкоккс. Мистер Джон Прот был философом и мудрым судьей, у которого за плечами было добрых полвека мудрости и житейской философии, хотя ему всего-то было от роду пятьдесят лет, из чего можно заключить, что он явился на свет уже будучи философом и мудрецом. Добавьте к этому, что, оставшись холостяком (несомненное доказательство его ума и мудрости), он прожил жизнь, не омраченную никакими заботами, что в значительной мере способствует философическому складу ума. Он родился в Уостоне, даже в молодости редко покидал свой родной город и за скромность и бескорыстие пользовался любовью и уважением своих сограждан.

Судья Джон Прот руководствовался верным чутьем, был снисходителен к слабостям, а подчас и к проступкам людей. Улаживать дела, мирить между собой противников, представивших перед его скромным судейским столом, сглаживать острые углы, смягчать конфликты, присущие даже самому совершенному социальному строю, – вот в чем он видел свою задачу.

Джон Прот был человеком довольно обеспеченным. Судейские обязанности он выполнял следуя своей склонности и не стремился к более высоким должностям. Он дорожил покоем, и своим и чужим. На людей смотрел как на соседей в жизни, с которыми жить следует в мире и согласии. Он рано вставал и рано ложился. Если он читал кое-какие книги любимых авторов, как европейских, так и американских, то в отношении газет ограничивался благопристойной «Уостон ньюс», где объявления занимали больше места, чем политика. Ежедневно – часовая или двухчасовая прогулка, во время которой ему непрерывно приходилось в ответ на поклоны снимать шляпу, что вынуждало его каждые три месяца обзаводиться новым головным убором. Не считая этих прогулок, все время, свободное от выполнения судейских обязанностей, он проводил в своем уютном и тихом доме или же занимался уходом за цветами, и цветы эти вознаграждали его за заботы, радуя глаз свежестью красок и опьяняющим ароматом.

Вполне вероятно, что судья Джон Прот, портрет которого набросан нами в этих скупых чертах, не был особенно обеспокоен вопросом, заданным ему незнакомцем. Если бы приезжий, вместо того чтобы обратиться к судье, попытался расспросить его старую служанку Кэт, то, весьма вероятно, Кэт пожелала бы получить более подробные сведения, например, узнать, кто такой Сэт Стенфорт и что следует ответить, если о нем будут опрашивать. И, разумеется, почтенная Кэт сочла бы нужным осведомиться, предполагает ли приезжий заглянуть сегодня еще раз к господину судье, или нет, и если да, то когда именно – утром или после обеда?

Что касается мистера Джона Прота, то он счел бы такое любопытство и нескромность непростительными, хотя, впрочем, эти недостатки можно было простить его служанке ввиду ее принадлежности к женскому полу. Нет, мистер Джон Прот даже и не заметил, что появление, пребывание, а затем отъезд незнакомца привлекли внимание всех ротозеев, собравшихся на площади. Закрыв дверь, он вновь занялся поливкой роз, ирисов, герани и резеды в своем саду.

Любопытные, однако, не последовали его примеру и остались на своих наблюдательных постах.

Всадник между тем доехал до самого конца Эксетер-стрит, откуда открывался вид на всю западную часть города. Добравшись до предместья Уилкоккс, которое Эксетер-стрит соединяет с центром города, незнакомец остановил лошадь и, не покидая седла, принялся оглядывать все кругом. С этого места его взгляду открывались окрестности на добрую милю и на целых три мили – извилистая дорога, спускавшаяся к поселку Стилл, колокольни которого четко вырисовывались на горизонте по ту сторону Потомака. Но напрасно взгляд молодого человека скользил по дороге. Ему, по-видимому, не удавалось заметить на ней то лицо, которое он жаждал

увидеть. Отсюда и нетерпение, выражавшееся в резких движениях, взволновавших его лошадь и заставивших ее заплескаться на месте так, что животное пришлось успокаивать.

Прошло еще десять минут, и всадник снова свернул на Эксетер-стрит и в пятый раз медленно поехал по площади.

– В общем, – повторял он сам себе, поглядывая на часы, – пока еще опоздания нет... Назначено было на десять часов семь минут, а сейчас едва только половина десятого. Стилл, откуда она выедет, на таком же расстоянии от Уостона, как и Брайал, откуда приехал я, и это расстояние можно преодолеть в двадцать минут. Дорога отличная, погода сухая, и, насколько мне известно, мост не был снесен наводнением. Следовательно, на ее пути нет никаких препятствий. При таких условиях, если она не приедет, значит просто не захотела... Да кроме того – аккуратность заключается в том, чтобы прибыть как раз вовремя, а не в том, чтобы явиться раньше срока... В сущности неаккуратным оказался я: ведь я опередил ее настолько, насколько это вовсе не подобает выдержанному человеку. Впрочем... помимо даже другого чувства, простая учтивость требовала, чтобы я первым явился к месту встречи.

Монолог этот продолжался все время, пока незнакомец ехал вниз по Эксетер-стрит, и закончился только тогда, когда подковы его лошади снова застучала по каменной мостовой площади.

Итак, державшие пари за то, что незнакомец вернется, оказались в выигрыше. Поэтому, когда он проезжал вдоль фасадов гостиниц, счастливики приветливо поглядывали на него, тогда как оставшиеся в проигрыше только досадливо пожимали плечами.

Наконец городские часы пробили десять. Осадив лошадь, незнакомец сосчитал удары и удостоверился, что ход городских курантов в точности совпадал с ходом его часов.

Оставалось всего семь минут, и... тогда настанет, а затем и минует условленное время...

Сэт Стенфорт вернулся к началу Эксетер-стрит. Всем было ясно: ни он, ни его лошадь не могли устоять на месте.

В городе в этот час уже царил оживление. Но Сэт Стенфорт не интересовался теми, кто двигался вверх по улице. Все его внимание было приковано к людям, спускавшимся к площади, он буквально впивался в них взглядом. Эксетер-стрит настолько длинна, что пешеходу требуется не менее десяти минут, чтобы пройти ее от начала до конца. Но для быстро катящегося экипажа или лошади, пущенной рысью, достаточно и трех-четырёх минут, чтобы покрыть это расстояние.

Впрочем, нашему всаднику не было дела до пешеходов. Он даже не замечал их. Пройди в это время мимо него пешком даже и самый близкий друг, он не увидел бы его. Особа, которую он ожидал, могла прибыть только верхом или в экипаже.

Но прибудет ли она к назначенному сроку? Оставалось всего три минуты – как раз столько, сколько необходимо, чтобы спуститься по Эксетер-стрит, а между тем в верхнем конце улицы не видно было ни экипажа, ни велосипеда, ни мотоцикла, ни автомобиля, который, развив скорость в восемьдесят километров в час, мог бы примчаться к месту даже и раньше срока.

Сэт Стенфорт в последний раз окинул взглядом Эксетер-стрит. В глазах его на мгновение сверкнул огонек, и он прошептал с непоколебимой решимостью:

– Если она не будет здесь в десять часов семь минут, я не женюсь!..

Словно в ответ на эти слова, с верхнего конца улицы донесся стук копыт и показалась наездница на великолепном кровном скакуне, которым она управляла с редким изяществом и ловкостью. Прохожие расступались перед ней, и можно было не сомневаться, что никакие препятствия не преградят ей путь до самой площади.

Сэт Стенфорт узнал ту, которую ожидал. Лицо его снова приняло невозмутимое выражение. Он не произнес ни слова, не сделал ни одного движения. Подобрал поводья, он медленно двинулся к дому судьбы.

Этого было достаточно, чтобы снова возбудить интерес любопытных, которые поспешили приблизиться, хотя незнакомец не уделял им ни тени внимания.

Через несколько секунд на площади показалась и всадница. Она остановила своего взмыленного коня в двух шагах от крыльца дома судьи.

Незнакомец снял шляпу.

– Приветствую мисс Аркадию Уокер! – произнес он.

– А я мистера Сэта Стенфорта, – ответила она, грациозно склонив голову.

Нетрудно догадаться, что местные жители глаз не спускали с этой таинственной пары.

– Если они собираются судиться, – шептались между собой соседи, – то остается только пожелать, чтобы дело сложилось благоприятно для обеих сторон.

– Все уладится, или мистер Прот не был бы мистером Протом.

– А если они оба свободны, то лучше всего было бы поженить их.

Так, оживленно обмениваясь впечатлениями, точили языки зеваки. Но ни Сэт Стенфорт, ни мисс Аркадия Уокер даже и не замечали назойливого любопытства, предметом которого стали.

Сэт Стенфорт собрался уже было соскочить с коня, чтобы постучать в дверь мистера Джона Прота, как дверь эта неожиданно распахнулась.

На пороге показался сам мистер Джон Прот, а из-за его спины выглядывала старая служанка Кэт.

Оба они слышали конский топот у крыльца и, покинув один – свой сад, а другая – свою кухню, пожелали узнать, что происходит.

Сэт Стенфорт, не сходя с лошади, обратился к судье.

– Господин судья, Джон Прот, – начал он. – Я мистер Сэт Стенфорт из Бостона в Масчусетсе.

– Рад познакомиться с вами, мистер Сэт Стенфорт!

– А это – мисс Аркадия Уокер из Трентона в Нью-Джерси!

– Весьма лестно познакомиться с мисс Аркадией Уокер.

И мистер Джон Прот, внимательно оглядев незнакомца, сосредоточил свое внимание на незнакомке.

Ввиду того что мисс Аркадия Уокер особа поистине очаровательная, да будет нам дозволено набросать ее портрет. Возраст – двадцать четыре года; глаза – светло-голубые; волосы – темно-каштановые; лицо удивительной свежести, слегка лишь тронутое загаром; зубы – безукоризненной формы и белизны; рост – несколько выше среднего; красивое и стройное сложение, в котором чувствовались и сила и ловкость. Она была в амазонке, и стан ее грациозно изгибался, следуя движениям лошади, которая, так же как и лошадь Сэта Стенфорта, нетерпеливо била копытами. Ее руки в изящных перчатках небрежно шевелили поводьями, и знаток сразу мог бы угадать в ней ловкую наездницу. Вся она была олицетворением редкой утонченности, к которой присоединялось нечто особенное, свойственное представителям высшего общества Америки, то самое что можно было бы назвать американским аристократизмом, если бы это выражение не составляло резкого контраста с демократическими инстинктами уроженцев Нового Света.

У мисс Аркадии Уокер, родом из Нью-Джерси, после смерти родителей остались лишь какие-то дальние родственники. Свободная в своих действиях, владея независимым состоянием и руководствуясь свойственной молодым американкам жадной приключений, она вела жизнь, соответствующую ее вкусам. Уже в течение нескольких лет мисс Аркадия Уокер проводила время в путешествиях и, побывав во многих странах Европы, была осведомлена о том, что делается и о чем говорят в Париже, Лондоне, Берлине, Вене или Риме. О том, что она видела и слышала во время своих непрерывных странствий, она могла поговорить и с французами, и с немцами, и с англичанами, и с итальянцами на их собственном языке. Она была

девушкой образованной, получившей великолепное воспитание под руководством ныне уже умершего опекуна. У нее не было недостатка даже и в умении разбираться в практических вопросах, и она проявляла в ведении своих денежных дел самое тонкое понимание собственных интересов.

Все сказанное о мисс Аркадии Уокер может быть вполне *симметрично* (это слово здесь как раз уместно), отнесено к мистеру Сэту Стенфорту. Свободный, как и она, состоятельный, любитель путешествий, объездивший весь свет, он редко засиживался в своем родном городе Бостоне. Зимой он бывал частым гостем в больших городах Старого Света, где нередко встречался со своей соотечественницей, а летом возвращался к себе на родину, проводя время на прибрежных курортах, где собирались семьи богатых янки. И здесь он и мисс Аркадия Уокер встречались снова.

Схожесть вкусов постепенно сблизила этих двух молодых и смелых людей, которые всем высыпавшим на площадь зевакам, мужчинам и особенно женщинам, казались созданными друг для друга. Да и в самом деле, охваченные жадой путешествий, устремлявшиеся туда, куда какие-нибудь события политического или военного характера привлекали всеобщее внимание, – разве они не были подходящей парой? Не приходится поэтому удивляться, что мистер Сэт Стенфорт и мисс Аркадия Уокер в конце концов пришли к решению связать свою судьбу, что не должно было в какой-либо мере нарушить привычный им образ жизни. Впредь уже не будет двух кораблей, плывущих бок о бок, а лишь одно судно, без сомнения великолепно построенное, оборудованное, оснащенное и приспособленное для путешествий по всем морям земного шара.

Нет! Не судебное дело, не спор, не улаживание какого-либо конфликта заставили Сэта Стенфорта и Аркадию Уокер предстать пред лицом судьи Джона Прота. Нет! Выполнив все необходимые формальности в соответствующих учреждениях Массачусетса и Нью-Джерси, они назначили свидание в городе Уостоне на этот самый день, 12 марта, в это самое время, в десять часов семь минут утра, с тем чтобы здесь совершить акт, который многие считают самым значительным в человеческой жизни.

После того как Сэт Стенфорт и Аркадия Уокер представились судье в точности так, как было рассказано выше, мистеру Джону Проту оставалось только осведомиться у приезжих, что именно привело их к нему.

– Сэт Стенфорт желает стать супругом Аркадии Уокер! – ответил молодой человек.

– А мисс Аркадия Уокер желает стать супругой мистера Сэта Стенфорта, – проговорила девушка.

Судья поклонился:

– К вашим услугам, мистер Стенфорт, а также и к вашим, мисс Аркадия Уокер.

Молодые люди в свою очередь поклонились.

– Когда именно вы желаете приступить к церемонии? – спросил мистер Джон Прот.

– Немедленно... если только вы ничем не заняты, – заявил Сэт Стенфорт.

– Дело в том, что мы покинем Уостон сразу же после того, как я стану миссис Стенфорт! – добавила мисс Аркадия Уокер.

Мистер Джон Прот красноречивым жестом выразил горячее сожаление как свое, так и своих сограждан по поводу того, что им не удастся удержать дольше прелестную чету, украшающую Уостон своим присутствием.

– Я в вашем полном распоряжении, – произнес судья, отступая на несколько шагов от двери и освобождая таким образом вход в дом.

Но Сэт Стенфорт остановил его.

– Разве так уж необходимо, чтобы мисс Аркадия и я сошли с лошадей?.. – спросил он.

Мистер Джон Прот на мгновение задумался.

– Ни в какой мере, – заявил он серьезно. – Можно венчаться, сидя на лошади, совершенно так же, как и стоя на земле.

Трудно было найти более покладистого чиновника даже в столь своеобразной стране, как Америка!

– Один только вопрос, – снова заговорил мистер Джон Прот. – Выполнены ли все предписываемые законом формальности?

– Все в порядке, – ответил Сэт Стенфорт.

И он протянул судье документы, выданные с соблюдением всех необходимых правил соответствующими канцеляриями Бостона и Трентона после внесения полагающегося налога.

Мистер Джон Прот взял в руки бумаги, надел очки в золотой оправе и внимательно прочел документы, снабженные всеми законными подписями и печатями.

– Документы в порядке, – заявил он. – И я готов выдать вам свидетельство о браке.

Нет ничего удивительного в том, что любопытные, число которых успело еще возрасти, столпились вокруг молодой пары, заменяя собой свидетелей при церемонии бракосочетания, которая во всякой другой стране показалась бы несколько странной. Но это скопление людей не могло ни стеснить жениха и невесту, ни вызвать их неудовольствия.

Мистер Джон Прот поднялся на верхнюю ступеньку своего крыльца и произнес голосом, который должен был быть услышан всеми:

– Мистер Сэт Стенфорт, согласны ли вы взять в жены мисс Аркадию Уокер?

– Согласен!

– Мисс Аркадия Уокер, согласны ли вы, чтобы вашим мужем стал мистер Сэт Стенфорт?

– Согласна!

Судья на несколько секунд умолк и затем торжественно, как фотограф, произносящий сакраментальное «спокойно, снимаю!», проговорил:

– Именем закона, мистер Сэт Стенфорт из Бостона и мисс Аркадия Уокер из Трентона, объявляю вам, что вы соединены браком.

Оба супруга придвинулись ближе друг к другу и взялись за руки, словно закрепляя свершившееся.

Вслед за этим они один за другим протянули судье по бумажке достоинством в пятьсот долларов.

– За ваши труды, – произнес Сэт Стенфорт.

– В пользу бедных, – произнесла миссис Аркадия Стенфорт.

И, поклонившись судье, оба отпустили лошадям поводья и поскакали в сторону предместья Уилкокс.

– Вот так история!.. Вот так история!.. – приговаривала Кэт, которая была так потрясена, что на целых десять минут лишилась дара речи.

– В чем дело, Кэт? – спросил мистер Джон Прот.

Старуха Кэт выпустила из рук уголок передника, который скручивала, как скручивает веревку заправский веревочник.

– Мне сдается, что они просто свихнулись, эти господа! – проговорила она.

– Вполне возможно, почтеннейшая Кэт, вполне возможно! – подтвердил мистер Джон Прот, снова берясь за свою мирную лейку. – Что же тут удивительного? Ведь те, кто женятся, всегда бывают немного не в своем уме!

Глава вторая,

которая вводит, читателя в дом мистера Дина Форсайта и знакомит его с племянником мистера Форсайта, Фрэнсисом Гордоном, и служанкой Митс

- Митс! Митс!
- Что, сынок?
- Что творится с моим дядей Дином?
- И сама не знаю!
- Уж не болен ли он?
- Да нет. Но если так будет продолжаться, наверняка заболеет.

Разговор этот происходил между молодым человеком лет двадцати четырех и шестидесятипятилетней женщиной, сидевшими в столовой, в одном из домов по Элизабет-стрит, в том самом городе Уостоне, где только что совершилось столь необычное бракосочетание на американский манер.

Этот дом на Элизабет-стрит принадлежал мистеру Дину Форсайту. Дину Форсайту было сорок пять лет, и он не казался моложе. Крупная голова, растрепанная шевелюра, маленькие глазки, очки для сильно близоруких, слегка сутулая спина, могучая шея, во все времена года дважды охваченная галстуком, доходившим до самого подбородка, широкий, помятый сюртук, обвисший жилет, нижние пуговицы которого никогда не застегивались, слишком короткие брюки, едва прикрывавшие чересчур широкие башмаки, колпачок с кисточкой, сдвинутый назад и оставлявший открытыми сидящие непослушные волосы, лицо, изрезанное тысячами морщин, обычная для североамериканцев остроконечная бородка, несносный характер, всегда на грани гневной вспышки, – таков был мистер Дин Форсайт, служивший в утро 21 марта предметом разговора между его племянником Фрэнсисом Гордоном и старухой Митс.

Фрэнсис Гордон, лишившийся еще в раннем детстве родителей, воспитывался у мистера Дина Форсайта, брата своей матери. Хотя со временем к Фрэнсису и должно было перейти довольно порядочное состояние дяди, он все же не считал себя свободным от обязанности трудиться, да и мистер Форсайт придерживался такого же мнения: После окончания курса гуманитарных наук в прославленном Гарвардском университете племянник мистера Форсайта пополнил свое образование, прослушав еще и курс юридических наук. В данное время он был адвокатом в Уостоне, где вдовы и сироты не могли бы найти более ревностного защитника. Фрэнсис Гордон до тонкостей изучил все законы, речь его лилась легко, а голос звучал горячо и убедительно. Собратья по профессии, старые и молодые, питали к нему уважение, и он умудрился не нажить себе ни одного врага. Фрэнсис Гордон обладал приятной наружностью – густыми каштановыми волосами и красивыми карими глазами, он прекрасно держался, был остроумен без язвительности, услужлив без подобиюстрастия, проявлял достаточно ловкости во всех видах спорта, которым страстно увлекается американское светское общество. Как же ему было не занять место среди самых изысканных молодых людей города и как ему было не влюбиться в очаровательную Дженни Гюдельсон, дочь доктора Гюдельсона и его супруги, урожденной Флоры Клэридж!

Но было бы преждевременным уже сейчас направить внимание читателя на эту девушку. Приличнее для нее будет выступить на сцену в кругу своей семьи, а для этого еще не наступило время. Впрочем, до этого не так уж далеко. Во всяком случае, необходимо проявить строжайшую последовательность в изложении этой истории, требующей величайшей точности.

Что касается Фрэнсиса Гордона, мы добавим лишь, что жил он в доме на Элизабет-стрит, который, по всей видимости, ему суждено было покинуть лишь в день вступления в брак с мисс Дженни... Но еще раз: оставим пока мисс Дженни Гьюдельсон в покое и скажем лишь, что добрая Митс была поверенной всех тайн хозяйского племянника, которого она обожала как сына или, вернее, как внука, – ведь бабушки, как известно, побили рекорд материнской любви.

Митс, эта образцовая служанка, подобие которой трудно было бы отыскать в наши дни, обладала некоторыми свойствами, как бы заимствованными от собаки и кошки: к хозяевам она была привязана, как собака, а к дому – как кошка. Нетрудно догадаться, что в разговорах с мистером Форсайтом она проявляла полную свободу. Когда он бывал неправ, она выкладывала ему это начистоту, хотя и облекала свою речь в такую неслыханно красочную форму, изощренность которой на французском языке можно передать лишь весьма приблизительно. Если же он не желал признать ее правоту, ему оставалось только ретироваться, найти убежище у себя в кабинете и там запереться на все замки.

Кстати сказать, мистеру Дину Форсайту не приходилось опасаться, что в своем кабинете он окажется в одиночестве. Он мог быть уверен, что всегда найдет там одного человека, который, так же как и он сам, укрывался от причитаний и воркотни Митс.

Человеку этому было присвоено прозвище «Омикрон». Этим странным прозвищем он был обязан своему худощавому сложению. Вполне возможно, что его прозвали бы «Омега»¹, если бы он не был так мал. Достигнув к пятнадцати годам четырех футов и шести дюймов, он с тех пор перестал расти. В этом возрасте Том Уайф – таково было его настоящее имя – появился в доме еще при отце Дина Форсайта в качестве молодого слуги, и так как сейчас ему было уже за пятьдесят, то можно легко подсчитать, что вот уже тридцать пять лет как он находился на службе у дядюшки Фрэнсиса Гордона.

Необходимо пояснить, в чем заключались обязанности этого слуги: он помогал мистеру Дину Форсайту в его работах, к которым питал страсть не меньшую, чем сам хозяин.

Стало быть, мистер Дин Форсайт работал?

Да, в качестве любителя. Но в дальнейшем будет видно, сколько огня и страсти он вкладывал в свой труд.

На каком же поприще развивалась деятельность мистера Дина Форсайта? В области, ли медицины, права, литературы, искусства или коммерции, что так распространено среди граждан свободной Америки?

Ничего подобного.

«Чем же тогда увлекается мистер Дин Форсайт? – спросите вы. – Науками?»

Вы не совсем угадали! Не «науками» во множественном числе, но «наукой» в единственном числе. Одной-единственной божественной наукой, которая зовется «астрономией».

Все мечты его были сосредоточены на открытии новой звезды или планеты. Ничего, или почти ничего, из происходящего на поверхности земного шара не вызывало в нем интереса. Мистер Дин Форсайт жил в бесконечных пространствах. Принимая, однако, во внимание, что почтенному ученому в этих пространствах негде было бы ни позавтракать, ни пообедать, ему поневоле приходилось хоть дважды в день спускаться на поверхность земли. И вот именно в это утро мистер Форсайт не спустился в свой обычный час в столовую и, заставляя себя ждать, вызывал сетования Митс, беспокойно вертевшейся вокруг стола.

– Так что же он, совсем не придет? – повторяла она.

– И Омикрона тоже не видно? – спросил Фрэнсис Гордон.

– Он всегда там, где его господин, – ответила служанка. – *А у меня не хватает ног* (именно так и выразилась почтенная Митс), чтобы взбираться к нему на его насест.

¹ Шутка, построенная на игре слов: омикрон – 15-я буква греческого алфавита; микрон – миллионная часть метра; омега – последняя, 24-я буква греческого алфавита, одновременно обозначает число 800.

«Насест», о котором шла речь, была не более и не менее как башня, верхняя открытая площадка которой возвышалась футов на двадцать над крышей дома, – скажем, «обсерватория», чтобы назвать ее настоящим именем. Под этой площадкой помещалась круглая комната; четыре окна ее открывались на все четыре страны света. Находившиеся в комнате подзорные трубы и довольно сильные телескопы при желании можно было повернуть на подставках, и если их объективы до сих пор не износились, то уж во всяком случае не оттого, что ими мало пользовались. Зато с полным основанием можно было опасаться, что мистер Дин Форсайт и Омикрон в конце концов испортят себе глаза, – так часто и подолгу простаивали они у оптических инструментов.

В этой комнате оба, и хозяин и его слуга, проводили большую часть дня и ночи, – правда, от времени до времени сменяя друг друга. Они глядели, наблюдали, парили в межпланетном пространстве, увлеченные неугасимой надеждой сделать какое-нибудь открытие, с которым будет связано имя Дина Форсайта. В ясную погоду все еще было терпимо. Но не так уж часто небо бывает ясным над той частью тридцать седьмой параллели, которая пересекает штат Виргинию. Немало здесь роится туч, перистых и кучевых облаков и туманов! Во всяком случае, куда больше, чем этого желали и господин и слуга. Зато сколько жалоб, сколько угроз обращалось к небу, – ведь ветер всегда так некстати тащит по нему лоскутья пара!

Именно в эти последние дни марта терпение мистера Дина Форсайта подвергалось особенно жестокому испытанию. Вот уже несколько дней как небо, к великому отчаянию астронома, ни на мгновение не прояснилось.

Утром 21 марта западный ветер влачил почти по самой земле целое море необычайно густых облаков.

– Какая жалость! – в десятый раз проговорил со вздохом мистер Дин Форсайт после последней бесплодной попытки преодолеть густую мглу. – У меня предчувствие, что от нас ускользает какой-то исключительный случай, что мы упускаем сенсационное открытие!

– Вполне возможно, – ответил Омикрон. – Это даже очень вероятно, так как на днях, когда на мгновение прояснилось, мне почудилось...

– А мне, Омикрон, не почудилось – я видел.

– Значит, оба, оба в одно и то же время!..

– Омикрон!.. – с возмущением воскликнул мистер Дин Форсайт.

– Ну, разумеется, вы первый, в этом нет сомнения! – согласился Омикрон, многозначительно кивнув головой. – Но когда мне почудилось, что я вижу... вот ту самую штуку... я подумал... что это может быть... что это...

– А я, – решительно заявил мистер Форсайт, – я утверждаю, что это был метеор, передвигавшийся с севера на юг.

– Да, мистер Дин, перпендикулярно направлению солнца.

– К кающемуся направлению, Омикрон.

– Да, кающемуся, это ясно.

– И было это шестнадцатого числа этого месяца.

– Шестнадцатого.

– В семь часов тридцать семь минут двадцать секунд.

– Двадцать секунд, – повторил Омикрон. – Я проверил время по нашим башенным часам.

– И с тех пор он больше не показался! – воскликнул мистер Дин Форсайт, с угрозой протягивая руку к небу.

– Да как же он мог показаться? Тучи!.. Тучи!.. Тучи!.. Вот уже пять дней как на небе не видно даже такого крохотного кусочка синевы, из которого можно было бы выкроить носовой платок.

– Точно назло! – воскликнул Дин Форсайт, топнув ногой. – Мне начинает казаться, что такие вещи случаются только со мной.

– С нами, – поправил Омикрон, который считал себя наполовину участником в работах своего хозяина.

Говоря по совести, все жители этих мест имели одинаковое право сетовать на густые облака, обволакивавшие их небо. Сияет ли солнце, или не сияет – это касается всех без различия.

Но, каким бы всеобщим ни было это право на досаду, никто не приходил в такое скверное настроение, как мистер Дин Форсайт, когда небо обволакивала такая плотная пелена тумана, что с ней не могли бороться ни самые мощные телескопы, ни самые усовершенствованные подзорные трубы. А такие туманы не редкость в городе Уостоне, хотя омывают его чистые воды Потомака, а не мутные волны Темзы.

Но что же все-таки заметили, или вообразили, что заметили, хозяин и его слуга 16 марта, когда небо ненадолго прояснилось?.. Не более и не менее, как болид сферической формы, с чрезвычайной быстротой передвигавшийся с севера на юг и такой блестящий, что яркостью своей он вполне мог поспорить с рассеянным светом солнца. Хотя расстояние этого тела от земли и должно было исчисляться изрядным количеством километров, за ним можно было бы, невзирая на быстроту его движения, проследить еще некоторое время, если бы туман не помешал наблюдениям.

С тех пор и потянулась цепь жалоб и вздохов, которые порождала эта неудача. Появится ли болид снова на горизонте Уостона? Возможно ли будет рассчитать соотношение его составных частей, определить его размер, его вес и свойства? Не удастся ли другому, более счастливому, астроному заметить его на иной точке небесного пространства? Сможет ли Дин Форсайт, на столь короткое время удержавший этот болид в поле зрения своего телескопа, связать свое имя с этим открытием? Не выпадет ли в конечном счете честь этого открытия на долю какого-нибудь ученого Старого или Нового Света, ученого, который всю жизнь, и днем и ночью, ощущает своим телескопом небесное пространство?

– Захватчики! – с возмущением повторял Дин Форсайт. – Небесные пираты!

За все это утро 21 марта ни Дин Форсайт, ни Омикрон не могли, несмотря на скверную погоду, решиться хоть на мгновение отойти от окна, выходящего на север. Гнев хозяина и слуги возрастал по мере того как ускользали часы. Они уже не разговаривали. Дин Форсайт окидывал взглядом широкий горизонт, ограниченный с севера причудливой линией Серборских холмов, над вершинами которых довольно сильный ветер гнал сероватые тучи. Омикрон поднимался на цыпочки, чтобы расширить поле зрения, которое суживал его низкий рост. Один из наблюдателей скрестил на груди руки, и сжатые кулаки его вдавливались ему в грудь. Другой судорожно скрюченными пальцами постукивал по подоконнику. Мимо с легким щебетанием проносились птицы, и казалось, что они издеваются над хозяином и его слугой, которых положение двуногих приковывало к поверхности земли... Ах, если б только они могли последовать за этими птицами в их полете!.. С какой стремительностью они прорвались бы сквозь туман, и тогда, быть может, они снова увидели бы болид, мчащийся по своей орбите при ослепительном свете солнца...

В эту минуту в дверь постучали.

Ни Дин Форсайт, ни Омикрон, поглощенные своими мыслями, не услышали стука.

Дверь приотворилась, и на пороге показался Фрэнсис Гордон.

Дин Форсайт и Омикрон даже не оглянулись.

Племянник подошел к дяде и слегка коснулся его локтя.

Мистер Дин Форсайт перевел на него взгляд, столь далекий, словно он тянулся с Сириуса или по меньшей мере с Луны.

– В чем дело? – спросил мистер Форсайт.

– Дядя, вас ждет завтрак!

– Ах, в самом деле! – буркнул Дин Форсайт. – Завтрак ждет? Ну так вот: мы тоже ждем.

– Вы ждете... чего?

– Солнца! – ответил Омикрон, и хозяин его кивком головы подтвердил этот ответ.

– Надо полагать, дядюшка, что вы не пригласили солнце к завтраку и можно сесть за стол и без него.

Что было возразить против этого? Ведь в самом деле: если небесное светило не покажется в течение всего дня, то неужели мистер Дин Форсайт из упрямства будет голодать до вечера?

Пожалуй, что и так, ибо астроном, казалось, не собирался последовать за своим племянником в столовую.

– Дядюшка, – продолжал настаивать Фрэнсис, – Митс уже потеряла терпение, имейте в виду.

На этот раз мистер Дин Форсайт сразу пришел в себя. Проявления гнева служанки Митс были ему хорошо знакомы. Раз уж сна сочла нужным отправить к нему гонца, то положение явно серьезное и нужно подчиниться без всякого отлагательства.

– А который час? – спросил почтенный астроном.

– Одиннадцать часов сорок шесть минут, – доложил Фрэнсис Гордон.

Часы действительно показывали такое время. А между тем обычно дядя и племянник усаживались друг против друга за стол ровно в одиннадцать.

– Одиннадцать часов сорок шесть минут! – вскричал мистер Дин Форсайт, изображая крайнее неудовольствие, для того чтобы скрыть овладевшую им тревогу. – Не понимаю, как это Митс могла так запоздать!

– Но, дядюшка! – проговорил Фрэнсис Гордон. – Мы ведь уже в третий раз напрасно стучимся к вам.

Мистер Дин Форсайт, ничего не ответив на эти слова, начал спускаться с лестницы, тогда как Омикрон, обычно прислуживавший за столом, остался на своем наблюдательном пункте, дабы не пропустить появления солнца.

Дядя и племянник переступили порог столовой.

Митс была тут. Она поглядела своему хозяину прямо в глаза, и тот опустил голову.

– Где же *Ами-Крон*? – спросила она. (Так добрая Митс произносила пятую гласную греческого алфавита.)²

– Он занят там, наверху, – ответил Фрэнсис Гордон. – Придется сегодня обойтись без него.

– С удовольствием! По мне, пусть сидит в своей *верхотории* сколько ему вздумается. А здесь больше толку будет без этого несчастного ротозея!

Завтракали молча. Митс, любившая обычно поболтать, когда вносила блюда и сменяла тарелки, делала сегодня свое дело не разжимая губ. Ее молчание тяготило и действовало удручающе. Желая положить конец такому состоянию, Фрэнсис обратился к дяде.

– Довольны ли вы сегодняшним утром? – спросил он.

– Нет, – ответил Дин Форсайт. – Состояние неба не благоприятствовало нам, и это было особенно досадно именно сегодня.

– Не находитесь ли вы на пути к какому-нибудь астрономическому открытию?

– Думаю, что да, Фрэнсис. Но я ничего не могу утверждать, пока повторное наблюдение...

– Так вот, значит, сударь, *что* вас гложет за последнюю неделю! – сухо заметила Митс. – Да так гложет, что вы прямо приросли к вашей башне, а ночью вскакиваете с постели... Да, да... Три раза я слышала прошлой ночью, как вы срывались, ясно слышала. У меня, слава тебе господи, *нет бельма на глазу*, – добавила она вместо ответа на нетерпеливый жест своего хозяина, желая этим пояснить, что она еще не оглохла.

² Ами-Крон – звучит почти так же, как Омикрон, но значит «друг Крон» (Ами по-французски – друг, приятель); пятая гласная греческого алфавита – о; эта буква называется «омикрон».

– Да, да, – миролюбиво согласился мистер Дин Форсайт.

Но миролюбие не принесло ему пользы.

– Какое-то там *острокомическое* открытие, – продолжала Митс с возмущением. – А когда у вас вся кровь свернется и вы от смотрения в ваши трубки схватите прострел, или *немотизм*, или воспаление легких – вот-то будет радость! И тогда, верно, ваши звезды станут ухаживать за вами, а доктор прикажет вам заглатывать их взамен пилюль.

Принимая во внимание бурное начало этого разговора. Дин Форсайт понял, что лучше не возражать. Он продолжал молча есть, но был настолько смущен, что несколько раз хватался за тарелку вместо стакана, и наоборот.

Фрэнсис Гордон пытался продолжать беседу, но слова его были гласом вопиющего в пустыне. Дядя, все такой же мрачный, казалось, даже не слышал его. Так что Фрэнсису в конце концов пришлось заговорить о погоде – какой она была вчера, сегодня и будет завтра: неиссякаемая тема, доступная всем, независимо от степени умственного развития. Вопрос о погоде, впрочем, не казался мистери Дину Форсайту праздным. Поэтому, когда густые тучи на мгновение совсем затемнили небо, так, что в столовой стало сумрачно, Дин Форсайт поднял голову и, выронив вилку, воскликнул:

– Неужели эти проклятые тучи не извергнут, наконец, самого страшного ливня и не откроют неба?

– Давно бы пора! – заявила Митс. – После трех недель засухи это было бы в самый раз для земли.

– Земли!.. Земли!.. – пробормотал Дин Форсайт с таким глубоким пренебрежением, что своим восклицанием вызвал ответный выпад старой служанки.

– Да, для земли, сударь. Я думаю, что она не хуже *вашего* неба, с которого вы никак не хотите спуститься... даже и к завтраку...

– Будет, будет, дорогая моя Митс, – проговорил заискивающим тоном Дин Форсайт.

Напрасный труд! Добрая Митс была не в таком настроении, чтобы поддаться уговорам.

– Нечего тут «дорогая моя Митс», – продолжала она тем же тоном. – Право же, нечего вам лезть из кожи вон и глазеть на луну! И без того известно, что весной идут дожди. Если в марте не будет дождя, то когда же ему и быть, я вас спрашиваю?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.